стве, но в разных пропорциях, зависящих от стадии развития социума. Если оценивать степень прогресса общества по всем критериям, то может оказаться, что общество развивается вполне успешно в соответствии с экономическими или информационными критериями, но значение культуры в этом обществе неуклонно снижается, и по цивилизационным критериям такое общество переживает явный регресс. В зависимости от нахождения общества в определенной фазе развития находится и значимость критериев прогресса этого общества. Предполагая, что очередная фаза развития есть большее благо для общества, чем предыдущая, мы должны допустить, что чем быстрее общество перейдет на критерии прогресса, свойственные новой фазе, тем быстрее и успешнее общество перейдет в эту новую фазу.

Список литературы

Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования ; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.,1999.

Иноземцев, В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М., 2000.

Лосев, А.Ф. Античная философия истории. – СПб., 2001.

Тойнби, А.Дж. Постижение истории ; пер. с англ. – М., 1991.

Тоффлер, Э. Третья волна. – М., 2004.

© Коньков В.В., 2010

М.М. Смирнов

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ТЕОРИЙ СИСТЕМНОГО СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА

СМИРНОВ Михаил Михайлович – кандидат философских наук, начальник отдела стратегического развития Научно-исследовательского центра Московского городского университета управления Правительства Москвы. (e-mail: Mm-vol@ya.ru)

Аннотация. *В статье исследуются истоки теорий системного структурно-функционального анализа.*

Ключевые слова: *системные теории, структурно-функциональный анализ, демократия, политическая система.*

Теории системного анализа получили широкое распространение в научных кругах США с 1950-х гг., а затем и в политической философии, социологии и политологии во всем мире. Следуя традициям прагматизма, с одной стороны, и сциентистской политологии – с другой, авторы этих теорий предприняли попытку привнести в них наработки новейших исследований в области политической психологии и культурологии. Так, Г. Алмонд стремился построить новую методологию, способную отразить сущность политических феноменов, ускользающую от институциональных подходов и теорий экономического детерминизма.

Хотя работы авторов системных теорий широко критиковались как в зарубежной, так и в отечественной литературе, они внесли огромный вклад в формирование современной мировой политической мысли. Эти исследования опирались на широкий эмпирический материал и подчас имели широкое прикладное значение. Учитывая это, мы попытаемся на основе системных теорий, их критики и современных интерпретаций выйти в теоретических разработках на анализ философских проблем политики.

Рассматривая системные теории с позиций философии политики, Г. Алмонд, Д. Истон, Т. Парсонс и другие классики системных теорий предприняли попытку привнести в них наработки новейших исследований в области политической психологии и культурологии. Это мы расцениваем как начало построения (или основу) новой методологии, способной отразить сущность политических феноменов, ускользающей от институциональных подходов и теорий экономического детерминизма.

Считается, что политическая философия имеет две функции: эвристическую (познавательную) и прогностическую. Познавательная – ведущая функция политической философии. Ее реализация начинается с определения субстанционных (сущностных) основ политики, абстрагируясь от конкретных политических событий, анализируя их в обобщенном, «снятом» виде. Например, Г. Алмонд ставил своей целью не только познание конкретных политических систем (скажем, представительной власти США), но и понимание логики построения и функционирования политической системы вообще, причем как в синхроническом, так и в диахроническом планах. Отметим, что здесь мы говорим о политической философии системных теорий в прагматически-позитивистском понимании философии, т. е. оставляя за скобками дискуссию о том, является ли прагматизм философией вообще. Таким образом, говоря о субстанциональных основах политической системы (или систем – при этом системой может выступать любая политическая общность – от провинциального муниципалитета до мировой политической системы), Г. Алмонд и другие системные теоретики не касаются, скажем, вопросов теософской или теологической детерминации политики.

Объектом исследования могут стать значительные или повторяющиеся явления или события, а также устойчивые отношения: по поводу власти или норм политической жизни, отношения индивида и общества, индивида и государства, государства и общества и т. д. Так, объектом исследования для Г. Алмонда, Т. Парсонса, С. Вербы и других основоположников системных теорий стала политическая система как некоторая совокупность взаимосвязанных элементов, достаточно устойчиво повторяющаяся на разных уровнях организации социума, как в синхроническом, так и в диахроническом планах.

Методологическая основа (или парадигма*) исследования выбирается, как правило, исходя из тех научно-исследовательских и социокультурных традиций, в которых работает мыслитель. В общефилософском плане Алмонд и другие авторы системных теорий следовали традиции прагматизма. Классики этого направления (Дж. Дьюи, Дж.Г. Мид, Ч. Пирс) утверждали, что философия должна быть не абстрактной созерцательностью, а общим методом решения тех проблем, которые встают перед людьми в различных жизненных ситуациях. Поскольку любые теоретические построения – это инструменты и планы действия, их гносеологическая ценность определяется той пользой или эффективностью, которая достигается с их помощью. Высказывание Дьюи о том, что истина определяется как полезность[1], может быть отнесено и к тому пониманию гносеологии политики, которое присутствует у Алмонда.

Вслед за теоретиками политического прагматизма У. Манро и Дж. Кэтлином Алмонд пытался описать те факторы, которые, будучи незаметными при поверхностном наблюдении, определяют качество политических событий. Манро считал, что политическая наука развивается по аналогии с физикой. Политическая наука должна выискивать «понятия, которые выдержали испытание действием и на их основе основательно перестроить себя путем основательного изучения фактов». Дж. Кэтлин проводил параллели между политикой и экономикой, представляя власть как основной товар на политическом рынке[2]. Принимая эти посылы сциентистской политологии, системные теории вместе с тем не остаются ограниченными ими. Так, тезис Дж. Кэтлина о том, что подлинная политическая наука должна интересоваться средствами, а не целями и ценностями[3], является доведением принципов философии прагматизма до их логического завершения, однако,

---

* Термин «парадигма» используется нами здесь в том смысле, который придавал ему Томас Кун, т. е. как общее стратегическое направление построения теории, конвенциально или волюнтаристически принятое за аксиому.

[1] *Dewey, J.* Reconstruction in Philosophy. – Boston, 1957. – P. 157.

[2] *Catlin, G.* Science and Method of Politics. – 1927. – P. 244.

[3] Ibid. – P. 112.

при этом теряются такие сущностные моменты политического анализа, как мотивы политических действий отдельных людей и социумов.

По нашему мнению, системные теории преодолели эту методологическую ограниченность сциентистской политологии. Здесь прослеживается влияние на труды Алмонда, Парсонса, Истона и других представителей «антисциентистского» направления в американской политической науке – У. Элиотта, Э. Корвина, Ч. Бирда. Эти ученые в общефилософском плане не выходили за рамки прагматизма. Однако их работы стали своеобразным бунтом против сциентизации политических исследований, господствовавшей в Америке в 20–30-е гг. «Антисциентисты» отмечали, что «политическая наука не имеет никакого постоянного измерителя, которому поддаются измеряемые величины», напротив, она имеет дело с уникальными явлениями, не укладывающимися в рамки жестких детерминистских законов[1].

Вслед за антисциентистами Алмонд вносит культурно-ценностные понятия в язык политического исследования. Он также понимает относительность повторяемости политических явлений и потому отсутствие четкой формально отслеживаемой их закономерности. Именно по причине такой «сложной» детерминации политических событий «стремление открыть объективные законы породило нездоровую тенденцию выхватывать политические явления из общего культурного контекста» (Элиотт)[2]. Алмонд в своих работах старается преодолеть эту тенденцию, и в этом прослеживается влияние на его философское видение политики концепций антисциентистов.

На становление взглядов авторов системных теорий существенное влияние оказала чикагская школа. Ее представители Ч. Мерриам и Г. Ласуэлл отмечали, что в политических событиях постоянно присутствует некоторый психокультурный аспект, который традиционно обходили вниманием классические концепции сдержек и противовесов, экономического детерминизма и классовой борьбы. Проводя первые известные сравнительные исследования особенностей политической жизни и режимов разных стран, авторы системных теорий следуют традициям чикагской школы, выделяя прежде всего не политические институты или социальные страты (или классы), а психологию политического поведения. Так, Г. Алмонд в совместной с С. Вербой работе «Гражданская культура» пишет: «Это исследование было бы невозможным без предварительной работы историков, социальных философов, антропологов, социологов, психологов и психиатров, которые обозначили проблему отношения между психологическими и политическими характеристиками нации. В частности, большое влияние на данное исследование оказали “культурно-личностные” или “психокуль-

[1] *Eliott, W.* The Possibility of a Science of Politics. – N.Y., 1931. – P. 79.
[2] Ibid. – P. 91.

турные" исследования политических феноменов..."[1] а также, что «это исследование было вдохновлено работами Ч. Мерриама»[2].

В 1940-е гг. бихевиоризм становится доминирующей парадигмой американской политологии и накладывает отпечаток на работы Алмонда тех и последующих лет. Базовый методологический посыл бихевиоризма о том, что объектом политических исследований должны быть не законодательные нормы и формальные моменты политической организации общества, к которым относится и государство, не идеологические конструкции, не конвенциально обозначенные большие социальные группы (классы, страты и т. д.), а социально-значимые действия людей, нашел развитие в основных идеях системного структурного функционализма с той лишь разницей, что у Алмонда и других системных теоретиков политические действия являются объектами исследования не сами по себе, а в системе, характеристики которой придают этим действиям смысл и качество.

Большинство классиков системного подхода так или иначе тяготели к идеям структурного функционализма Т. Парсонса, соединившим в себе подходы американских сциентистов, а также М. Вебера, Э. Дюркгейма и В. Парето. Парсонс рассматривает общество вообще и политическую сферу жизни в частности, как систему, находящуюся в динамическом равновесии и взаимодействующую с другими социальными системами и окружающей средой. Причем в отличие от физических и биологических систем, социальная система обладает символичностью (такими символическими механизмами саморегуляции, как язык, ценности и т. д.), нормативностью (индивидуальное действие зависит от общепринятых ценностей и норм) и определенной степенью волюнтаризма (социальные действия обладают некоторой независимостью от познаваемых условий среды, иррациональностью и субъективной детерминацией).

Таким образом, системный структурный функционализм впитал в себя, с одной стороны, классические теории прагматизма и новые веяния середины прошлого века («антисциентистов», чикагской школы, М. Вебера, Э. Дюркгейма и В. Парето) – с другой. В этой связи можно говорить о закономерном происхождении системных теорий, а также о достаточно серьезном их теоретико-методологическом базисе. Г. Алмонд и другие представители системных теорий творчески восприняли эти подходы к пониманию и исследованию сущности политических событий. В частности, обращая внимание на культурно-психологическую детерминацию политического поведения, Алмонд ввел в лексикон мировой социально-политической мысли ряд новых концепций и категорий, например, «политическая культура».

---

[1] *Almond, G., Verba, S*. The Civic Culture. – Boston, 1965. – P. 11.

[2] Ibid. – P. IX.

Список литературы

Almond, G., Verba, S. The Civic Culture. – Boston, 1965.

Catlin, G. Science and Method of Politics. –1927.

Dewey, J. Reconstruction in Philosophy. – Boston, 1957.

Eliott, W. The Possibility of a Science of Politics. – N.Y., 1931.

© Смирнов М.М., 2010

А.В. Шемелин

РОССИЯ И ТРАНЗИТ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

ШЕМЕЛИН Аркадий Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального права Читинского государственного университета (e-mail: shemelin75@yandex.ru)

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы, связанные с пониманием сложного процесса утверждения демократических ценностей и трансформации политической жизни в России.*

Ключевые слова: *переходный период, политическая система, демократия, правовая культура, избирательная система, транзит демократических ценностей, гражданское общество.*

Вступление России на путь утверждения демократических институтов поставило задачу имплементации имеющегося опыта либерально-демократических стран в собственную практику. Возникшие проблемы, связанные с транзитом политических и иных либеральных ценностей, оказались достаточно сложными по своей природе и потребовали рассмотрения их в контексте тех противоречий, которые существовали и продолжают иметь место в современной России: противоречий реалий и утверждаемых стратегий государства, общества, экономики и культуры в сочетании с проблематикой развития цивилизации, концепциями, принятыми в развитых странах Запада.

Транзит демократических ценностей поставил вопрос об их природе и существующих исторических идейно-психологических тенденциях оценки и принятия внешнего опыта. О препятствиях в объективной оценке запад-